

Голубинский Е. Е. Ответ на статью: Н. Московский академический историк о житии преподобного Сергия // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 10. С. 153–178 (2-я пагин.). (Начало.)

Отвѣтъ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанную въ журналѣ „Странникъ“¹⁾.

Въ январьской книжкѣ за нынѣшній 1893-й годъ журнала „Странникъ“ помѣщена статья: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія. (Е. Голубинскій. Преп. Сергія Радонезскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе преп. Сергія и Путеводитель по Лаврѣ. Сергіевъ посадъ. 1892)“, подписанная буквой И.

Уже по самому заглавію статьи читатель догадывается, что она не есть обыкновенная рецензія на книгу или обыкновенная критика книги, а что-то особенное. Если бы статья была обыкновенной рецензіей на книгу или обыкновенной критикой книги, то съ какой стати стояли бы въ ея надписаніи слова: „московскій академическій историкъ“? Ясно для всякаго, что словами этими выражается не особое ко мнѣ почтеніе, а насмѣшка надомной, пренебреженіе или же и самое презрѣніе ко мнѣ, и что посредствомъ этихъ словъ имѣется въ виду обратить на статью особое вниманіе читателя, сказать ему: читай, читай... Послѣдовавъ приглашенію, которое дѣлается заглавіемъ статьи и обра-

¹⁾ Настоящій отвѣтъ написанъ мною тотчасъ, какъ полученная въ академіи книжка „Странника“ была мнѣ указана, такъ что предполагалось было напечатать его въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ (вышедшей во второй половинѣ марта). Но по нѣкоторымъ, неожиданно явившимся, причинамъ я счелъ за нужное пріостановиться печатаніемъ. Во время этой остановки раздраженіе противъ творца или творцовъ насквиля у меня, конечно, прошло, и теперь главнымъ побужденіемъ для меня къ напечатанію отвѣта служить опроверженіе взводимыхъ на меня въ насквиля обвиненій научнаго свойства.

тивились къ ней, читатель убѣждается въ полной справедливости своей догадки. Статья дѣйствительно есть не рецензія на мою книгу или не критика моей книги, а весьма пасквильный пасквиль на меня самого, наполненный клеветами и инсинуаціями на мой счетъ и дѣлающей обо мнѣ такой отзывъ, будто я представляю собою нѣчто въ родѣ чудовища.

Пасквиль, какъ видъ человѣческой письменности, несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ видовъ этой письменности, которые наиболѣе древни по своему происхожденію, ибо страсть къ клеветѣ, инсинуаціи и заугольной брали явилась у людей тотчасъ же въ слѣдъ за тѣмъ, какъ, послѣ недолгаго времени праведности, стали они людьми грѣшными (хотя самое названіе пасквиль для письменныхъ произведеній, посягающихъ на чьи либо честь и доброе имя, и весьма не древне, — явилось въ Италіи, въ XVI вѣкѣ). Но если пасквиль можетъ похвалиться своею древностію, то съ другой стороны столько же древне и глубокое презрѣніе къ нему со стороны всѣхъ порядочныхъ людей. Чтобы показать г-ну П., котораго я буду называть далѣе принадлежащимъ ему именемъ анонима ¹⁾, какъ мыслили о пасквилѣ еще классическіе греки и римляне, я хотѣлъ было привести рядъ выписокъ изъ классическихъ греческихъ и римскихъ писателей. Но потомъ я сообразилъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ „наплевать на вашихъ классическихъ грековъ и римлянъ“, и что ссылка на этихъ послѣднихъ дастъ ему развѣ только поводъ инсинуировать противъ меня, будто я склоненъ къ язычеству. Оставляя въ покоѣ классиковъ, я пошлюсь анониму на христіанскихъ отцовъ церкви и именно такихъ отцовъ, ко-

¹⁾ Будучи человѣкомъ прямымъ, я люблю называть лица и вещи ихъ собственными именами. Не можетъ быть никакого спора о томъ, что статьи г. П. есть пасквиль на меня; слѣдовательно, не можетъ быть никакого спора и о томъ, что самъ онъ есть авторъ пасквиля или пасквильянтъ. Такъ и я хотѣлъ было называть его въ своемъ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ ему. Но опасаясь, что иные читатели найдутъ это очень рѣзкимъ, замѣняю названіе пасквильянтъ названіемъ анонимъ, при чемъ утѣшаю себя тѣмъ, что слово анонимъ (*ἀνώνυμος*) значитъ не только homo nomine carens, человѣкъ безымянный или невѣстный по имени, но и homo ignobilis, человѣкъ безславный (*ruhmlös*).

торыя должны имѣть двойной и непререкаемый авторитетъ въ его глазахъ. Въ одномъ мѣстѣ своего творенія, укоряя меня въ познаніи монашескаго общежитія, онъ даетъ нѣкоторое основаніе предполагать въ немъ монаха; наше православное греко-россійское монашество есть монашество по уставу Василія Великаго, такъ что Василій Великій долженъ быть признаваемъ нашими монахами за ихъ учителя по преимуществу и по превосходству. Итакъ, пусть же знаетъ анонимъ, что Василій Великій назначаетъ крайне строгое наказаніе монаху, который клеветаетъ на своего ближняго (Творенія Василія Великаго въ русск. переводѣ т. V, изд. 3-го стр. 208, вопр.—отв. 26),— что ложныя рѣчи на ближняго по лукавымъ побужденіямъ, какъ это позволяетъ себѣ анонимъ въ отношеніи ко мнѣ, онъ причисляетъ къ грѣхамъ самымъ тяжкимъ (ibid., стр. 320, вопр.—отв. 273) и что о брани изъ-за угла, если позволяетъ себѣ прибѣгать къ ней не только монахъ, но и мірянинъ, онъ отзывается съ величайшимъ презрѣніемъ (т. VII, стр. 65).

Насквиль на меня могъ быть написанъ по двумъ побужденіямъ,—или по фанатической враждѣ къ моимъ убѣжденіямъ и моему направленію или по личной враждѣ ко мнѣ самому. Насквиль на меня, какъ на *историка русской церкви*, могъ быть написанъ по фанатической враждѣ къ моимъ убѣжденіямъ; но кто читалъ мою *книгу о преп. Сергіи*, тотъ знаетъ, что нѣтъ въ ней совершенно ничего, что могло бы вооружить противъ меня и самаго дикаго фанатика, такъ что побужденіемъ къ насквилю противъ меня, какъ противъ *историка преп. Сергіи*, должна быть предполагаема личная вражда ко мнѣ самому. Дѣйствительно, своей книгой о преп. Сергіи я могъ возбудить личную вражду къ себѣ нѣкоего писателя: въ одномъ частномъ вопросѣ относительно жизни преп. Сергія, на который даются два отвѣта и въ которомъ мы съ писателемъ оказались несогласными, онъ долженъ былъ уступить побѣду мнѣ; затѣмъ, отвѣчая на его полемику противъ меня по этому вопросу (анонимную, безъ названія меня по имени, я позволилъ себѣ въ своей книгѣ нѣсколько посмѣяться надъ его невѣжествомъ (также анонимно, не называя его по имени). Но если справедливы мои подозрѣнія на счетъ автора нас-

квилля, то мнѣ искренно жаль, что человѣкъ обладаетъ такимъ крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ, которое затмѣваетъ у него разумъ. Будучи совершенно ничтоженъ, какъ историкъ (именно — какъ историкъ, но не какъ вообще повѣствователь), нашъ „нѣкій писатель“ можетъ имѣть очень большія достоинства въ другихъ отношеніяхъ, чего я вовсе не думаю ни отрицать ни оспаривать. Между тѣмъ, по общему признанію всѣхъ порядочныхъ людей, наполненный клеветами и инсинуаціями пасквиль есть средство мщенія мерзкое и презрѣнное, рѣшаясь прибѣгнуть къ которому человѣкъ сильно грязнитъ свою репутацію ¹⁾.

Истинно прискорбно мнѣ, что мѣсто пасквилю на меня дано въ журналѣ „Странникъ“. Всѣмъ и каждому извѣстно, что редакторъ-издатель „Странника“ г. А. Пономаревъ есть профессоръ петербургской духовной академіи. Такимъ образомъ, одинъ профессоръ академіи даетъ у себя мѣсто пасквилю на другаго профессора академіи: это есть нѣчто далеко не совсѣмъ ладное... И, разумѣется, вовсе не заявляю той претензіи, чтобы г. Пономаревъ, какъ профессоръ академіи, совсѣмъ ничего не помѣщаль противъ меня въ своемъ журналѣ: пусть онъ помѣщаетъ у себя критики на мои книги самыя жестокия и самыя безпощадныя, — отвѣчая или не отвѣчая на критики, я, конечно, не скажу противъ ихъ напечатанія г. Пономаревымъ ни единого слова; но иное дѣло пасквиль. А не думаю я, чтобы г. Пономаревъ прибѣгъ къ тому жалкому оправданію, будто между безпощадной критикой и пасквиломъ трудно провести границу. Граница совершенно ясна: критика, какая бы то ни было, изобличаетъ и доказываетъ дѣйствительные недостатки сочиненія; а пасквиль клеветаетъ и инсинуируетъ или же просто бранитъ, ничего не доказывая (это заглавіе статьи: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“ требовалось самой безпощадной критикой?). И добро бы еще пасквиль составленъ былъ такъ, что былъ бы бранимъ въ немъ одинъ я и тщательно выгорожены были всѣ

¹⁾ Нѣкоторые увѣряютъ меня, что писателю, питающему личную ко мнѣ вражду, помогали составлять пасквиль и писатели, питающіе вражду къ моимъ убѣжденіямъ. Не знаю, правда ли это; но если правда, то для цѣлой компаніи писателей нашъ пасквиль есть литературное произведеніе очень плохое.

другіе; но этого нѣтъ: пасквилянть явно высказываетъ свое пренебреженіе къ академіямъ и академической наукѣ, явно смѣется надъ академическими учеными степенями. Слѣдовательно, профессоръ академіи не находитъ ничего страннаго въ томъ, чтобы содѣйствовать появленію на свѣтъ пасквилей, въ которыхъ посягается на честь и унижается достоинство академій. Никакого дѣйствія не бываетъ безъ причины; почему должно имѣть причину и то дѣйствіе г. Пономарева, что онъ помѣстилъ пасквиль на меня въ своемъ журналѣ. Думавъ одинъ и вмѣстѣ съ знакомыми, я не могъ придумать никакой другой причины, кромѣ желанія и надежды — при помощи скандалѣзной статьи приобрѣсти лишній пятокъ-десятокъ подписчиковъ журналу между многочисленными любителями всего скандалезнаго... Конечно, и профессору академіи, если онъ издастъ журналъ, никто не воспрещаетъ заботиться о приобрѣтеніи подписчиковъ: по профессорскій ли способъ заботиться и стараться объ ихъ приобрѣтеніи посредствомъ помѣщенія въ своемъ журналѣ пасквилей? Впрочемъ, возможное дѣло, что на все мои lamentаціи г. Пономаревъ отвѣтитъ мнѣ словами аристофановыхъ аоніянъ: *καὶ ταῦτα μὲν δὴ οἰζορέ*, да вѣдь это пустяки!.. ¹⁾.

1) На оберткѣ журнала „Странникъ“, какъ извѣстно, находится изображеніе странника христіанина, которому ангелъ указываетъ путь въ небесный Іерусалимъ. Правда, что странникъ „Странника“ какъ будто не православный русскій, а католикъ полякъ или по крайней мѣрѣ русскій униатъ (онъ прилякнулъ покатолически на одно колѣно, а не стоитъ по-православному на обоихъ колѣнахъ, и странническая одежда его съ принадлежностями весьма похожа на тѣ пегрринскія или путническія одежды, въ которыхъ, по описанію извѣстнаго Барскаго, польскіе католическіе и русскіе униатскіе паломники ходятъ въ Римъ, да и у ангела, указующаго страннику путь, не говоря объ его не совѣтѣ православною, слишкомъ широкорукавною, туникѣ, повѣшена на шеѣ католическая снитрахиль, съ каковою снитрахилью дѣйствительно изображаются у католиковъ ангелы); но и католику или униату не совѣтѣ удобно идти въ небесный Іерусалимъ съ катомкой за плечами, которая между прочимъ нагружена пасквилями; имѣя при себѣ подобныя, своего рода подпольныя, произведенія, странникъ подвергается опасности остаться за вратами небесными... Личныхъ счетовъ у г. Пономарева со мной, которые бы, если не извиняли, то дѣлали понятнымъ его поступокъ, нѣтъ совершенно никакихъ; мы вовсе не знаемъ другъ друга и вовсе не имѣли другъ къ другу никакихъ отношеній, ни дурныхъ ни хорошихъ.

Я дамъ анониму по возможности обстоятельные отвѣты на всё его противъ меня обвиненія, — на клеветы, инсинуаціи, искаженіе и перетолкованіе моихъ рѣчей и на его заугольную брань такимъ образомъ, чтобы слѣдить его знаменитое (не особенно обширное) твореніе пунктъ за пунктомъ, для каковой цѣли все выпишу его у себя отдѣлъ за отдѣломъ. Итакъ, начинаю.

„Въ числѣ разныхъ изданій, появившихся ко дню 500-лѣтія памяти преп. Сергія Радонежскаго книга проф. Голубинскаго, заглавіе которой выписано нами, благодаря громкой извѣстности ея автора-историка, обращаетъ на себя особенное вниманіе. Читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и жизнь боярскаго семейства того времени и картина тогдашней Руси, и обстоятельства, воспитавшія душу Сергія-Варѣоломея и возбудившія въ немъ раннюю склонность къ иночеству, и бытъ тогдашнихъ монастырей, и глубокій анализъ его характера и пр. пр. Но съ первыхъ же страницъ читатель видитъ, что авторъ пишетъ не столько житіе Преподобнаго, сколько критику на житіе, написанное Епифаніемъ. Автору страстно хочется сказать что нибудь такое, чего не говорили (sic) до него никто, и непременно — колыхнуть Епифанія. Это желаніе иногда доходитъ до... смѣшнаго. Похваливъ Епифанія, напримѣръ за то, что „онъ изображаетъ намъ не мечты своего воображенія, но именно подлиннаго Сергія, какимъ онъ былъ“, авторъ тутъ же продолжаетъ: „мы не ищемъ у жизнеописателя свѣдѣній о томъ, что такое и каковъ былъ Сергій, такъ сказать, къ самому себѣ, въ своей собственной, для самаго себя, жизни, — мы и безъ жизнеописателя знаемъ, что онъ былъ высоко-святой, строго-подвижнической жизни“... Такъ и хочется спросить автора: да что же лишняго въ томъ, что пр. Епифаній сказалъ намъ о святости Сергія? И откуда бы онъ, г. Голубинскій, могъ лучше узнать личныя свойства пр. Сергія, если бы не говорилъ о нихъ жизнеописатель его? Во всякомъ случаѣ — за что авторъ недоволенъ Епифаніемъ? — „Но мы желаемъ отъ него знать, продолжаетъ Голубинскій, что такое былъ Сергій въ отношеніи къ другимъ людямъ“. Такъ что же? Развѣ объ этомъ не говоритъ Епифаній? Говорить, и г. Голубинскій тутъ же приводитъ его слова. Зачѣмъ же понадобилась ему выходка противъ Епифанія! Вѣроятно затѣмъ же, зачѣмъ онъ выставляетъ сего смиреннаго ученика Сергіева хвастуномъ (прим. 6 и под.), упрекаетъ въ „эффектно-ораторской нескладицѣ“ (пр. 5, пр. 24 и под.).

Анонимъ, съ одной стороны, укоряетъ меня за то, что я не удовлетворяю требованіямъ хорошаго біографа, — что у меня нѣтъ того-то, того-то и того-то, а съ другой стороны укоряетъ меня за то, что я позволяю себѣ заявлять свое несовершенное довольство Епифаніемъ. Но тутъ на самомъ дѣлѣ — если съ одной стороны, то уже не съ другой стороны и одно служитъ къ оправданію меня въ дру-

гомъ. Я потому именно и не совсѣмъ доволенъ Епифаніемъ, что онъ съ своимъ житіемъ преп. Сергія не даетъ мнѣ возможности удовлетворить тѣмъ требованіемъ, которымъ долженъ удовлетворять хорошій біографъ. Слѣдовательно, тутъ одно изъ двухъ: или къ біографу преп. Сергія не должны быть предъявляемы требованія, которыя предъявляются ко всякому хорошему біографу, или же біографъ преп. Сергія, не имѣющій возможности удовлетворить требованій, которыя предъявляются ко всякому хорошему біографу, благодаря недостаточной удовлетворительности житія Епифаніева, въ правѣ быть не совершенно доволенъ симъ послѣднимъ, т. е. Епифаніемъ. Но къ біографу преп. Сергія, конечно, должны быть предъявляемы тѣ же самыя требованія, что и ко всякому другому біографу; значить, я совершенно правъ, когда выражаю свое нѣкоторое недовольство Епифаніемъ. Анонимъ желалъ бы отъ меня хорошей біографіи преп. Сергія; я съ своей стороны желалъ бы именно того же самаго, т. е. написать хорошую біографію преп. Сергія, но лишень возможности сдѣлать это благодаря Епифанію: въ правѣ ли анонимъ укорять меня за то, что я не совершенно доволенъ Епифаніемъ? Если онъ укоряетъ меня за то, вина за что лежитъ не на мнѣ, а на Епифаніи: то, полагаю, ясно, что, думая укорять меня за Епифанія, на самомъ дѣлѣ онъ укоряетъ не кого иного, какъ этого Епифанія. Будучи не совершенно доволенъ Епифаніемъ, я вовсе не отнимаю у него несправедливымъ образомъ его достоинствъ, а отдаю ему все должное: безотносительнымъ образомъ я не признаю написанное имъ житіе преп. Сергія за совершенно удовлетворительное; но относительнымъ образомъ, сравнительно съ другими житіями, я признаю его за житіе весьма хорошее и даже совсѣмъ выдающееся. Вся рѣчь моя о немъ есть слѣдующая: „Нельзя, къ сожалѣнію, сказать о древнемъ житіи преп. Сергія (т. е. именно этомъ Епифаніевомъ), чтобы оно было совершенно удовлетворительно,—чтобы оно представляло собою такую его біографію или такое его жизнеописаніе, въ которомъ бы мы находили и живое изображеніе его личности и обстоятельное повѣствованіе объ его дѣятельности. Но это сожалѣніе должно быть высказано не по отношенію къ одному житію преподобнаго Сергія,

*сравнительно еще весьма хорошему и даже совсѣмъ выдающемуся, а по отношенію къ рѣшительному большинству нашихъ древнихъ житій** (стр. 1—2). Если въ виду сей-часъ сдѣланной улики анонимъ, такъ сказать, вывернется и скажетъ, что если я не укоряю Епифанія, то дѣлаю еще гораздо худшее,—укоряю большинство писателей древнихъ житій; въ такомъ случаѣ я ему отвѣчу: пусть онъ читаетъ исторіи русской церкви преосвв. Филарета и Макарія, пусть онъ читаетъ специальное изслѣдованіе о житіяхъ В. О. Ключевского („Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“), и онъ увидитъ, что я въ данномъ случаѣ нисколько не щеголяю оригинальничаньемъ, т. е. не высказываю недовольства изъ стремленія къ оригинальничанью, изъ страстнаго желанія сказать что нибудь такое, чего не говорили до меня никто, а говорю совершенно то же самое, что говорятъ и другіе (или, такъ какъ говорю послѣ другихъ, лишь повторяю этихъ другихъ).

Итакъ, общій укоръ мнѣ со стороны анонима за то или въ томъ, что я позволяю себѣ быть не вполне доволенъ Епифаніемъ, совершенно неоснователенъ, потому что мое нѣкоторое недовольство Епифаніемъ имѣетъ свое полное основаніе. Относительно частныхъ, которыя анонимъ ожидалъ бы найти въ написанной мною біографіи преп. Сергія („Читателю думается, что предъ нимъ предстанетъ и пр.) должно быть оказано, что, увлекаясь желаніемъ показать свое полное знакомство со всеми тѣми требованіями, которыя предъявляются къ настоящимъ историкамъ (съ пѣлю, разумѣется, хвастнуть этимъ знакомствомъ), анонимъ вдается въ совершенное завирательство. „Изобразить жизнь боярскаго семейства того времени, нарисовать картину тогдашней Руси“ и пр. и пр. Предъявлять эти требованія съ легкимъ сердцемъ можетъ только совершеннѣйшій невѣжда въ русской исторіи. Съ великимъ удовольствіемъ изобразилъ бы я вамъ жизнь боярскаго семейства тогдашняго времени: но какъ бы я это сдѣлалъ, когда у меня нѣтъ никакихъ данныхъ для изображенія (въ этомъ случаѣ, конечно, уже не по винѣ Епифанія)? Съ великимъ удовольствіемъ нарисовалъ бы я вамъ картину тогдашней Руси: но какъ бы я ее нарисовалъ, когда почти что не съ чего рисовать, когда Русь XIV в. стоитъ передъ нами въ такомъ мракѣ,

въ которомъ мы ничего живаго совершенно не въ состояніи разглядѣть (не говоримъ уже о томъ, что блѣдная картина Руси XIV в., насколько она возможна, вовсе не относится къ біографіи преп. Сергія, а относится къ общей исторіи Россіи). О бытѣ тогдашнихъ монастырей я говорю, да и нельзя мнѣ объ этомъ не говорить по моимъ представленіямъ о преп. Сергіи, какъ о преобразователѣ быта монастырей. Не говорю я объ обстоятельствахъ, воспитавшихъ душу Сергія-Варооломея и возбуждившихъ въ немъ раннюю склонность къ иночеству потому, что, съ одной стороны, ничего не говоритъ объ этомъ Епифаній, а съ другой стороны и главное—потому, что требованіе рѣчей объ этомъ есть со стороны анонима, говоря безцеремонно, просто его глупость. Преп. Сергіи стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, не въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, о которыхъ совершенно ничего неизвѣстно, а отъ свойствъ своей природы и по благодати Божіей. Преп. Сергіи явилъ себя великимъ постникомъ почти тотчасъ послѣ рожденія, еще будучи дитятею въ неленкахъ: какія обстоятельства возбуждали въ немъ склонность къ постничеству? А когда анонимъ говоритъ, что онъ ожидалъ отъ меня глубокаго анализа характера преп. Сергія, то тутъ не просто глупость съ его стороны, но и нѣчто большее. Глубокій анализъ души преп. Сергія.. А не было ли бы это съ моей стороны великой и весьма неумѣстной дерзостью, противъ которой изъ всѣхъ силъ завопіялъ бы тотъ же анонимъ, который могъ бы называть на меня по этому поводу такихъ обвиненій и надѣлать противъ меня такихъ инсинуацій, что я принужденъ былъ бы спасая спасать свою душу? Отсылаю анонима къ извѣстному жизнеописанію преп. Сергія, составленному о. іеромонахомъ (нынѣ архимандритомъ) Никонемъ (1-е изданіе напечатано въ 1885 г., 2-е—въ 1891 г.); въ предисловіи къ этому жизнеописанію онъ найдетъ парочитыя, подкрѣпленныя ссылкой на митр. Филарета, рѣчи о томъ, что я, какъ и всякій біографъ преп. Сергія, не долженъ былъ отваживаться на подобный глубокой анализъ его характера (2-го изд. стр. VIII).

Слова анонима: „Съ первыхъ страницъ читатель видитъ, что авторъ ищетъ не столько житіе Преподобнаго, сколько критику на житіе, написанное Епифаніемъ“, если бы по-

править ихъ такъ: „авторъ пишетъ *не только* житіе Преподобнаго, *но и* критику на житіе, написанное Епифаніемъ“, были бы совершенно вѣрны. Я дѣйствительно не только пишу жизнеописаніе преп. Сергія (краткое, хотя по возможности и полное), но и критику на житіе преп. Сергія, принадлежащее Епифанію. Критику житія, написаннаго Епифаніемъ, я поставлялъ одною изъ своихъ парочитыхъ задачъ и вовсе я ни отъ кого не скрывалъ этого, а всѣмъ объ этомъ говорилъ, съ кѣмъ приходилось говорить,—весьма возможно, что объ этомъ я говорилъ и самому анониму. Да и весьма глупо было бы скрывать то, чего вовсе не зачѣмъ скрывать. Жизнеописаніе преп. Сергія безъ критики житія его, принадлежащаго Епифанію, и жизнеописаніе очень хорошее (хотя и не свободное отъ недостатковъ, какъ всякое произведеніе человѣческое) было написано ранѣе меня; это жизнеописаніе, принадлежащее о. Пикону, которое мы указали. Чтобы не писать того же самаго, что написано о. Пиконюмъ, а сдѣлать къ нему нѣкоторое дополненіе, я и написалъ жизнеописаніе преп. Сергія съ критикой его житія, принадлежащаго Епифанію (чтобы не называть своей критики читателямъ не желающимъ критики, я вовсе не вношу ея въ текстъ жизнеописанія, а помѣщая исключительно въ примѣчаніяхъ). Но что значить, что анонимъ обвиняетъ меня въ критикѣ Епифанія, я не совсѣмъ понимаю или, лучше сказать, совсѣмъ не понимаю. Неужели онъ хочетъ сказать то, что Епифаній есть человѣкъ не подлежащій критикѣ? Правда, что онъ усвоилъ Епифанію титулы преподобнаго и блаженнаго; но эти, усвоенные имъ Епифанію, титулы вовсе не значать, чтобы послѣдній былъ канонизованный святой, а свидѣлствуютъ только объ его желаніи своимъ особеннымъ почтеніемъ къ жизнеописателю преп. Сергія рѣзче выставить мое мнимое непочтеніе къ нему. Но если бы Епифаній былъ и канонизованный святой, то и сіе нисколько не лишало насъ права подвергать критикѣ его историческія писанія, а только налагало бы на насъ обязанность относиться съ подобающимъ уваженіемъ къ его лицу (личности). Вообще, я не думаю, чтобы анонимъ выставлялъ тотъ принципъ, будто житія святыхъ какъ произведенія историческія не подлежатъ исторической кри-

тикѣ; это было бы уже слишкомъ ¹⁾. Не рѣшаемся мы усвоить анониму этого, свойственнаго только какому нибудь совсѣмъ темному человѣку, мнѣнія, будто Епифаній не подлежитъ исторической критикѣ, имѣя въ виду и примѣръ уже дважды помянутаго нами о. Никона. О. Никонъ относится съ величайшимъ, нисколько не меньшимъ, чѣмъ анонимъ, уваженіемъ къ Епифанію, и однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ предпочитаетъ слѣдовать не ему, а его сократителю Пахомію, и даже не Пахомію, а только нѣкоторымъ спискамъ сокращеннаго Пахоміева житія (стр. 243, прим. 80, рѣчи объ источникѣ, чудесно изведенномъ преп. Сергіемъ).

Когда анонимъ укоряетъ меня въ страстномъ желаніи сказать что нибудь такое, чего не говорилъ до меня никто, то онъ возводитъ на меня общее обвиненіе, на которое можно отвѣчать только общимъ же отрицаніемъ. Докажите ваши слова примѣрами или какими хотите доказательствами, и тогда я буду опровергать васъ. Но что я отвѣчу на голословное обвиненіе и не очень ли просто возводить на человѣка голословныя обвиненія, какія угодно? Впрочемъ, еще Демосенъ сказалъ, что насквилянство въ томъ именно и состоитъ, чтобы возводить на людей всякія голословныя обвиненія: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ σκωπίτης ἀτιμωσίαια μὲν πάντε, ἐξελύξει δὲ μὲν* (это и значить быть насквилянтомъ, — греческое сикофантъ соответствуетъ принятому у насъ повому насквилянть, — чтобы обвинять во всемъ и ничего не доказывать).

Въ страстномъ желаніи при всякомъ случаѣ кольнуть Епифанія анонимъ обвиняетъ меня совершенно недобросовѣстно, победнически и можно сказать поіезуитски. Во-первыхъ, въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указываетъ и всего на одинъ случай. Положимъ, что указаніе было бы справедливо: неужели на основаніи одного случая можно было бы обвинять меня въ страстномъ желаніи кольнуть

¹⁾ Въ такомъ случаѣ, знаетъ-ли анонимъ, чему между прочимъ пришлось-бы намъ вѣрить въ нашей гражданской исторіи? Пришлось-бы между прочимъ вѣрить, что Батый, — вѣтвый Батый, ханъ монгольскій, порабителъ Россіи, былъ родомъ изъ Ярославской губерніи, изъ деревни Череможекой! (sic, см. *преосв. Филарета* Обзоръ литературы § 133).

Епифанія, подразумѣвается: при всякомъ случаѣ? Но и одинъ случай анонимъ можетъ указать, только прибѣгая къ намѣренному и злостному перетолкованію моихъ словъ. Приступая къ изображенію личнаго характера преп. Сергія на основаніи Епифанія, я говорю: „Мы не ищемъ свѣдѣній о томъ, что такое и каковъ былъ Сергій въ отношеніи такъ сказать къ самому себѣ, т. е. въ своей собственной, для самого себя жизни,—мы и безъ жизнеописателя знаемъ, что онъ былъ высоко-святой, подвижнической жизни: но мы желаемъ отъ него знать, что такое былъ Сергій въ отношеніи къ другимъ людямъ. Итакъ, по изображенію жизнеописателя, въ отношеніи къ другимъ людямъ преподобный Сергій былъ“... и пр. (стр. 30 нач.). Пойдетъ ли ктонибудь, не питающій личной ко мнѣ вражды и не имѣющій склонности перетолковывать меня, пойметъ ли, говорю, въ этихъ словахъ моихъ упрекъ Епифанію въ томъ, что онъ говоритъ о святости преп. Сергія? Я хочу сказать, что когда идетъ рѣчь о личномъ характерѣ преп. Сергія, то напрасно говорить объ его высокой святости, потому что это хорошо извѣстно и безъ всякихъ рѣчей. и вотъ и употреблю ораторскій оборотъ: „мы не ищемъ“ и пр. Если кто скажетъ мнѣ, что я употреблю ораторскій оборотъ не особенно искусный (удачный) я, пожалуй, не стану спорить: но во всякомъ случаѣ на основаніи его можно ли обвинять меня въ томъ, будто я упрекаю Епифанія за рѣчи о святости преп. Сергія? А анонимъ съ притворнымъ недоумѣніемъ и съ напускнымъ сожалѣніемъ (съ напускною болью въ сердцѣ) за оскорбляемаго мной Епифанія восклицаетъ: „Такъ и хочется спросить автора: что лишняго... Зачѣмъ же понадобилась ему выходка противъ Епифанія“? Мерзкій смыслъ сочиненія и усвоенія мнѣ выходки противъ Епифанія совершенно понятенъ: „если я позволяю себѣ выходки противъ сего смиреннаго ученика Сергіева, то что я за человѣкъ такой въ отношеніи къ моему направленію“? Далѣе, увидимъ, впрочемъ, еще и не то.

Я вовсе не выставлю Епифанія хвастуномъ, а говорю только, что онъ употребляетъ въ житіи преп. Сергія слова не употреблявшіяся въ живой русской рѣчи и, вѣроятно, взятыя имъ изъ книгъ (клюсы, скрипки, посаги), чтобы хвастнуть своею ученостью. Выставлять человѣка хвасту-

номъ и сказать о немъ, что онъ обнаруживаетъ наклонность хвастнуть своею ученостію, вещи совершенно различныя и изъ того, что человекъ имѣетъ наклонность хвастнуть своею ученостію, никто не сдѣластъ заключенія, что человекъ есть хвастунъ; а слѣдовательно, и обвинять меня, будто я, указывая у Епифанія наклонность хвастнуть ученостію, выставляю его хвастуномъ, несправедливо. Епифаній употребляетъ непонятныя слова по какому нибудь особому побужденію. Если анонимъ находитъ несомнѣтельнымъ указывать побужденіе, которое я указываю, то пусть онъ указалъ бы побужденіе, которое можетъ быть принято съ бѣльшею основательностію. Но онъ другаго побужденія вовсе не указываетъ; слѣдовательно, не можетъ указать; а если не можетъ указать, такъ за что же обвиняетъ меня?

Я нахожу у Епифанія эффектно-ораторскую нескладницу въ его рѣчахъ о крещеніи преп. Сергія, гдѣ онъ говоритъ: „іерей же, огласивъ его и много молиловавъ надъ нимъ, съ радостію духовною и тщаніемъ крести его“ (стр. 84, прим. 5). Именно, я нахожу нескладницу въ словахъ: „много молиловавъ надъ нимъ“, такъ какъ надъ преп. Сергіемъ при его крещеніи, конечно, было молиловано не болѣе, чѣмъ при крещеніи всякаго другаго человека или не болѣе того, чѣмъ сколько положено и сколько обычно. Нескладницу эту, какъ я указываю, признавалъ нескладницей и Симонъ Азарыинъ, который въ своемъ изданіи житія вмѣсто словъ: „много молиловавъ“ поставилъ слова: „по обычаю молиловавъ“ (ibid.). А что Епифаній былъ величайшій ораторъ и человекъ весьма наклонный къ ораторскимъ эффектамъ, при чемъ возможно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущеніе имъ и нескладницъ, относительно этого, не выставляя своего собственнаго увѣренія, которѣе, конечно, неприемлемо въ данномъ случаѣ, я пошлюсь на преосв. Макарія (Ист. V, 232 нач.) и на В. О. Ключевскаго (Древнерусскія житія, стр. 93). И кто опять мѣшалъ анониму вмѣсто моего неудовлетворительнаго объясненія указать объясненіе удовлетворительное?

„Позволимъ себѣ, однако же, нѣсколько замѣчаній по порядку стралицъ въ книгѣ и примѣчаній къ нимъ...“

„Безъ всякаго вѣдимаго основанія г. Голубинскій отрицаетъ преданіе о томъ, что Ростовскій Варницкій монастырь стоитъ на мѣстѣ редицъ преп. Сергія. Тутъ-же безъ всякой надобности говорить о „пилотскомъ за-

чатіи“ пр. Сергія, въ опроверженіе предположенія Снегирева о томъ, что это „зачатіе“ будто-бы было на мѣстѣ Георгіевской пустыни въ Гороховскомъ уѣздѣ. Какъ-то странно и опровергать такія мифы, основанныя очевидно на непониманіи слова „зачатіе Сергія“, т. е. основаніе монастыря Сергіемъ“.

Я отрицаю преданіе о Варницкомъ монастырѣ не безъ всякаго видимаго основанія, какъ лжетъ анонимъ, а прямо указывая это основаніе (стр. 81, прим. 3). Варницкій монастырь находится и всего въ 4-хъ (или даже—3-хъ) верстахъ отъ Ростова, между тѣмъ объ усадьбѣ родителей преп. Сергія Епифаній говоритъ, что она „бѣ въ предѣлѣхъ Ростовскаго княженія не зѣло близъ града Ростова“: можно ли и естественно ли было бы Епифанію сказать объ усадьбѣ, находившейся только въ 4-хъ (или даже 3-хъ) верстахъ отъ Ростова, что она „*бѣ въ предѣлахъ Ростовскихъ не зѣло близъ града Ростова!*“ Въ Исторіи іерархіи, которая составлена по свидѣніямъ, полученнымъ изъ самыхъ монастырей, ничего не говорится о преданіи, чтобы монастырь былъ поставленъ на мѣстѣ усадьбы родителей преп. Сергія, и прямо говорится, что „кѣмъ имяно и въ которомъ году *точно по какому случаю*, по чьему дозволенію и чьимъ иждивеніемъ построень (монастырь), неизвѣстно“,—III, 500. На основаніи сейчасъ приведенныхъ словъ можно съ увѣренностію полагать, что преданіе явилось уже послѣ написанія Исторіи іерархіи. А сомнѣваться (я именно сомнѣваюсь, а не отвергаю положительно) въ преданіи подобной недревней древности, конечно, имѣлъ и весьма достаточное побужденіе...

Если бы я и безъ всякой надобности говорилъ о „плотскомъ зачатіи“ преп. Сергія въ опроверженіе предположенія Снегирева, то бѣда была бы не велика и указывать на это съ укоромъ мнѣ было бы странно. Но я находилъ и нахожу, что говорить вовсе не напрасно и что мое замѣчаніе не только не было излишне, а напротивъ было нужно и что въ противномъ случаѣ я подлежалъ бы справедливому укору за упущеніе. Дѣло, не совѣмъ ясно представляемое анонимомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Покойный Н. М. Снегиревъ нашолъ грамоту царя Θεодора Ивановича, дающую Георгіевской пустынь, находившейся въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, въ которой чи-

тается: „се азъ царь и великій князь... пожаловали есмь къ пустынь живоначалной Троиць и къ великому Христову мученику Егоргію, гдѣ было зачатіе великаго чудотворца Сергія, что въ Гороховецкомъ уѣздѣ“..., и заключилъ на основаніи грамоты, что плотское зачатіе преп. Сергія послѣдовало въ Гороховецкомъ уѣздѣ и что потомъ родители его, когда мать его была беременна имъ, переѣхали въ Ростовъ. Анониму представляется страннымъ и оцровергать мнѣніе Снегирева, основанное очевидно на непониманіи словъ: „зачатіе Сергія“. Но мнѣніе Снегирева основывается вовсе не на непониманіи словъ, а на введеніи его въ заблужденіе весьма неискусномъ и странномъ выраженіи царской грамоты. Прямой смыслъ словъ: „гдѣ было зачатіе великаго чудотворца Сергія“, очевидно есть тотъ гдѣ имѣло мѣсто плотское зачатіе преп. Сергія, и не будь другой царской грамоты, въ которой слова найденной Снегиревымъ грамоты поясняются какъ значація, что преп. Сергіи зачалъ, основалъ пустыню, то не невозможно, что ложное мнѣніе о зачатіи преп. Сергія въ Гороховецкомъ уѣздѣ стало бы общимъ мнѣніемъ. Всякій читатель, который будетъ читать книжку Снегирева безъ предварительныхъ свѣдѣній о преп. Сергіи, согласится съ его ошибочнымъ заключеніемъ. А потому я и счелъ своимъ долгомъ (и долгомъ непремѣннымъ) сдѣлать свое замѣчаніе. А затѣмъ и еще позволяю себѣ прибѣгнуть подъ покровительство примѣра о. Никона. Въ житіи преп. Сергія, читаемомъ у пресв. Филарета Черниговскаго въ Житіяхъ святыхъ, въ разсказѣ о приходѣ къ преп. Сергію въ пустыню первыхъ учениковъ, говорится, что самый первый пришедшій,—Василій Сухой, пришолъ съ береговъ сѣверной Двины. Это есть очевидная ошибка писца или опечатка типографщика вмѣсто: съ верха или съ верхней Дубны (текущей весьма недалеко отъ Троицкаго монастыря), и однако о. Никонъ, хотя и признаетъ это за очевидную ошибку писца, т. е. признаетъ за нѣчто такое, о чемъ вовсе не стоило бы говорить, считаетъ своимъ долгомъ сказать объ этомъ (прим. 64).

„Описывая мѣсто, гдѣ основана Лавра, Голубинскій говоритъ: „Среди бора протекала маленька рѣчка ... Откуда она это взяла? Въ житіи Елифанія прямо сказано, что можно было найти и немного въ

низкихъ мѣстахъ воды, но о рѣчкѣ—ни слова. Она понадобилась автору только для того, чтобы потомъ отрицать преданіе, идущее отъ времени Пахомія (съ половины 15-го вѣка), что эта рѣчка и есть тотъ источникъ, который исцрошенъ молитвами Преподобнаго“.

Откуда это въ самомъ дѣлѣ знаю я о рѣчкѣ, когда о ней у Енифанія ни слова? Но у Енифанія ни слова не говорится о томъ, что когда преп. Сергій основывалъ Лавру, то надъ мѣстомъ, на которомъ онъ ее основывалъ, висѣло небо. Если бы я сказалъ, что надъ мѣстомъ Лавры во время основанія послѣдней преп. Сергіемъ висѣло небо, спросилъ ли бы меня анонимъ: откуда я это знаю, когда у Енифанія объ этомъ ни слова? О рѣчкѣ я знаю очень просто, изъ того, что она досихъ поръ течетъ подъ монастыремъ. Когда анонимъ обвиняетъ меня далѣе, будто я отрицаю преданіе, идущее отъ половины 15-го вѣка, то, конечно, хочетъ сказать не только то, что я плохой ученый, а и то, что я ученый весьма дерзкій, не признающій никакихъ преданій. Но что вы, читатель, скажете о человекѣ, который обвиняетъ меня въ томъ, въ чемъ напротивъ долженъ былъ бы я обвинять его или сваливаетъ съ большой головы на здоровую? Скажете, конечно, что хорошъ молодець! А анонимъ поступаетъ именно такимъ образомъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Монастырь преп. Сергія нѣкоторое время при его жизни бѣдствовалъ отъ отсутствія воды и преподобный доставилъ ему воду чудеснымъ образомъ. Жизнеописатель преподобнаго Енифанія говоритъ, что онъ чудеснымъ образомъ извелъ „источникъ велиій“ воды; то же говоритъ и сократитель Енифаніева житія Пахомій сербъ; но въ одномъ спискѣ Пахоміева сокращения, какъ указалъ покойный А. В. Горскій (Историческое описаніе Лавры, гл. II, прим. 2), вмѣсто источника говорится о рѣчкѣ, т. е. что преп. Сергій не извелъ источникъ, а сотворилъ рѣку. Нѣкоторые изъ современныхъ (т. е. современныхъ намъ, выпѣвшихъ) біографовъ преп. Сергія, желая отличиться и прославиться той повизной мнѣнія, въ страсти къ которой обвиняетъ меня анонимъ, горячо стали за эту рѣку противъ источника. Анонимъ принадлежитъ къ числу сторонниковъ рѣки и въ непризнаваніи мною того, что преп. Сергій создалъ ее, и обвиняетъ онъ меня. Но спрошу я его въ свою очередь: какое имѣетъ онъ право предпочитать

одинъ списокъ сокращенія Пахоміева всеѣмъ спискамъ Пахомія и потомъ всеѣмъ спискамъ Елифанія? Не значить это поступать совершенно произвольно и безъ малѣйшаго уваженія къ авторитету свидѣтелей? Если бы и во всеѣхъ рѣшительно спискахъ сокращенія Пахоміева говорилось о рѣкѣ, то и тогда мы не имѣли бы никакого права предпочитать его Елифанію, а должны были бы просто видѣть у него не болѣе какъ произвольную поправку Елифанія (сгг Ключевскаго Житія, стр. 131). Я указалъ въ моей книгѣ, что это предположеніе о рѣкѣ явилось очень простымъ образомъ; а, отнявъ рѣку у людей желавшихъ прославиться новымъ мнѣніемъ, я, разумѣется, привелъ ихъ въ ярость; анонимъ принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ числу сторонниковъ рѣки и вотъ inde между прочимъ его на меня ігае (отсюда его гнѣвъ, а въ нѣсколько усиленномъ и болѣе точномъ переводѣ --его ярость). Какой-то грамотѣй XV вѣка, читая въ житіи Елифаніевомъ о томъ, что монастырь преп. Сергія страдалъ отъ недостатка воды, пришелъ въ недоумѣніе, которое раздѣляютъ съ нимъ и нѣкоторые новыя: какъ же монастырь могъ бы страдать отъ недостатка воды, если бы подъ нимъ протекала рѣчка; отсюда онъ заключилъ, что рѣчки не существовало до основанія монастыря и что она создана преп. Сергіемъ уже послѣ основанія монастыря. Но въ вопросѣ о водѣ рѣчка не при чемъ и такъ сказать совершенно въ сторонѣ. Она была весьма мелка и мутная вода ея была до такой степени плоха, что не годилась къ употребленію. Преп. Сергій, живъ въ пустынѣ одинъ, а потомъ и съ монахами монастыря, явившагося около его кельи, бралъ воду изъ источника или ключа, близъ котораго онъ поставилъ свою келью на берегу рѣчки. Съ теченіемъ времени источникъ закрылся и монахи и на берегу рѣчки оказались безъ воды, за которою пужно стало ходить къ другому источнику, находившемуся отъ монастыря далеко. Тогда преп. Сергій чудесно извелъ подъ монастыремъ другой „источникъ велиій“ воды. Въ книгѣ моей читатель найдетъ обстоятельныя рѣчи обо всемъ этомъ (стрр. 36 и 92) !).

1) Не догадался я указать въ книгѣ на весьма простое, но въ тоже время и совершенно рѣшительное, доказательство, что рѣчка не создана

„Чтобы не быть согласнымъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, онъ прибѣгаетъ къ толкованію именъ изъ финскихъ словъ, хотя конечно финскаго языка не знаетъ. Чего проще слова: „Маковецъ“, „Пѣшиноша?“ Пять вѣковъ ихъ понимали по-русски, какъ производныя отъ словъ: маковка, пѣшигъ носилъ,—по Голубинскому это кажется выдумкой „любителей замысловатаго“, тогда какъ онъ и есть самъ любитель замысловатаго... Онъ отсылаетъ читателя къ финнамъ, если онъ хочетъ знать значеніе этихъ словъ, а самъ такъ и не говорить, что они значать“.

Тутъ анонимъ написать пѣчто такое, по поводу чего мнѣ хочется сказать ему: „пять вѣковъ, взобравшись на нашу Троицкую колокольню, смотрятъ на тебя, господине (отче?), съ ея высоты и разводять руками“. Слово „маковецъ“ дѣйствительно имѣеть пятивѣковую, и даже болѣе чѣмъ пятивѣковую, давность; правда и то, что нѣкоторые старые русскіе люди производили его отъ маковки или, точнѣе говоря,—понимали его въ смыслѣ маковки, о чемъ я прямо говорю въ моей книгѣ (стр. 89, прим. 13); но на самомъ-то дѣлѣ производить слово маковецъ отъ слова маковка значить являть изъ себя филолога, что называется, доморощеннаго и быть на смѣхъ если не курамъ, то по крайней мѣрѣ добрымъ людямъ: пусть анонимъ обратится съ спросомъ къ настоящимъ филологамъ и ему скажутъ, что маковецъ (котораго нѣтъ, какъ русскаго слова, о чемъ я говорю и въ книгѣ) не можетъ быть производимъ отъ маковки. Что касается до слова „пѣшиноша“, то, во первыхъ, оно не есть настоящее русское слово,—настоящее русское слово было бы—пѣшиноша; а во вторыхъ, знаетъ ли анонимъ, какъ велика древность употребленія этого слова въ качествѣ названія Песношскаго монастыря, которую онъ считаетъ пятивѣковою? Вотъ ему 5-й томъ Исторіи іерархіи, напечатанный въ 1813-мъ году; на стр. 520-й этого тома читаемъ: „Песношскій, Пестушскій или Пестушенскій Николаевскій Московской Епархіи заштатный мужескій монастырь, находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ“ и пр.; „названіе Песношскаго монастыря имѣеть отъ рѣки Песноши, на берегу которой онъ стоитъ“ ¹⁾... Исторія іерархіи, какъ

прим. Сергіевъ, а существовала до основанія монастыря Рѣчка называется Коичурой; названіе это есть несомнѣнно не русское, а финское, названіе; следовательно... (что изъ этого съ необходимостію слѣдуетъ, о томъ сейчасъ ниже).

¹⁾ Пестушскій, Пестушенскій. можетъ быть, опечатка вмѣсто: Песбуш-

мы сказали выше, составлена на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ самыхъ монастырей; слѣдовательно, вотъ еще когда Песнопешскій монастырь не называется быль Пѣшношскимъ. Но мы можемъ прямо сказать анониму: съ какого времени и отъ кого именно идетъ названіе монастыря Пѣшношскій. Оно идетъ съ 1815 --1816 года, отъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича, который съ 15 іюля 1815-го года по 16 іюля 1816-го года жилъ въ Песнопешскомъ монастырѣ и который составилъ его описаніе, напечатанное въ 1837-мъ году (уже послѣ смерти автора) подъ заглавіемъ: „Историческое и топографическое описаніе мужескаго общежительнаго монастыря святаго чудотворца Николая, что на Пѣшношѣ, съ присовокупленіемъ устава его и чиноположенія. Составлено изъ записокъ покойнаго К. Ѳ. Калайдовича“ (см. этого описанія монастыря по этому 1-му изданію стр. 8 и сноси съ книгой *Н. Барсукова*: „Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 22) ¹⁾.

Извѣтельное замѣчаніе анонима, что я, конечно, финнскаго языка не знаю, совершенно справедливо. Но я думаю, что каждый мальчикъ, учившійся географіи, объяснить, какъ я, не зная финнскаго языка, могу признавать слова: маковецъ и песнопа за слова финнскія. Слова эти — не

скій, „Песнушескій“, какъ иногда называется монастырь (см. напр. грамоту патр. Іоакима въ XII т. Дополненій къ Акт. Цер., № 58, стр. 346), ибо рѣчка зовется Песношей и Песнушей; но, съ другой стороны, на вѣщающей у насъ картѣ московской губерніи (не знаешь, когдашняго сочиненія, но весьма недавняго изданія) стоитъ: „Никола на Песуни“, а также и въ одной официальной бумагѣ прошлаго вѣка встрѣтили мы названіе: Пѣсунешская обитель.

¹⁾ Песнопешскій монастырь стоитъ при впаденіи рѣчки Песноши въ рѣку Яхрому. А относительно названія Яхромы Карамзинъ сообщаетъ „анекдотъ“, что-де супруга вел. кн. Ірѣя Владиміровича Долгоукаго обступилась на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *и ермои*, и этими словами дала ей ея имя, — Ист. II, прим. 377. Этотъ анекдотъ о названіи Яхромы навелъ Калайдовича на мысль (воодушевлялъ сочинять анекдотъ и о названіи монастыря. — Не только митр. Платонъ (въ Исторіи русской церкви, II, 42 стр.) и Карамзинъ (въ Исторіи, см. Index) называютъ монастырь Пѣсношскимъ, Николаевскимъ на Пѣсноши, но еще и митр. Филаретъ называетъ его Пѣсношей Пѣсношскимъ и Пѣсношенскимъ монастыремъ (см. его письма къ намѣстника въ Лавры Аоднасію и Автоію, — первая въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1886 г., кн. III и IV, вторая въ особомъ изданіи).

русскія; слѣдовательно, онѣ принадлежать тому народу, который прежде насъ—русскихъ жилъ въ московской губерніи; а всѣмъ извѣстно, что прежде насъ—русскихъ жили въ московской губерніи финны.

Слова анонима: „онѣ отсылать читателя къ финнамъ“... представляютъ не ѣдкую остроту надо мной, а лишь то, что нѣмцы называютъ Plumpheit и Dummheit, и вмѣстѣ показываютъ, что онѣ способны противорѣчить себѣ на двухъ строкахъ: я и не думалъ отсылать читателя къ финнамъ (въ чемъ можетъ убѣдиться самъ читатель, посмотрѣвъ въ мою книгу,—стрр. 57 и 87, прим. 13); и какъ въ одно и то-же время анонимъ и предполагаетъ,—совершенно справедливо, что я не знаю финнскаго языка, и укоряетъ меня за пожеланіе сказать, что значатъ слова?

Если у анонима есть совѣсть, то послѣ сдѣланной мною для него справки о названіи Песнопскаго монастыря Пѣшношскимъ онѣ долженъ бы взять назадъ свои слова о мнѣ, что я самъ и емь любитель замысловатаго ¹⁾).

„Удивительно съ какою самоувѣренностью авторъ, вмѣсто какихъ-нибудь доказательствъ, просто хочетъ увѣрить читателя своимъ словомъ: у него то и дѣло встрѣчаются вырженія: „надобно думать“, „необходимо думать“, „необходимо представлять“, „дѣло было, конечно, такъ“ и пр., и все это тогда, когда именно нужны доказательства, потому что авторъ въ такихъ случаяхъ приводитъ просто свое личное мнѣніе, въ разрѣзъ съ мнѣніями всѣхъ биографовъ преподобнаго Сергія идущее. „Старшій братъ, конечно, усиленнымъ образомъ звалъ изъ пустыни младшаго“... Но позвольте, г. докторъ исторіи: откуда вы это взяли? Не наоборотъ-ли: младшій умоляя старшаго не оставлять пустыни?... Гдѣ доказательства этого вашего докторальнаго „конечно“?...“

Если-бы анонимъ подтвердилъ свои обвиненія положительными доказательствами, тогда можно было бы отвѣ-

¹⁾ Въ назиданіе анонима, который укоряетъ меня за мое скептическое отношеніе къ недревнимъ преданіямъ, позволю себѣ указать ему на одинъ примѣръ преданія, сейчасъ творящагося. Въ ризницѣ Троицкой Лавры хранятся евангеліе и служебникъ, которые принадлежали ученику преп. Сергія и его преемнику на игуменствѣ въ монастырѣ преп. Никону. До весьма недавняго времени слово „принадлежали“ всѣмъ понимаемо было такъ, что книги, относясь ко времени преп. Никона, были имъ употребляемы или же не только были имъ употребляемы, а и составляли его частную собственность, но никто не говорилъ, чтобы онѣ были написаны имъ самимъ или составляли его собственное рукописаніе (этого послѣдняго не говорить еще о нихъ и прямо признасть еще ту и дру-

чать; но что отвѣчать на обвиненія голословныя“. Очевидно, нельзя ничего отвѣчать, какъ только повторить уже приведенныя мною слова Демосоева: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ συκοφάντης, ἀτιμωθεὶς μὲν πάντα, ἐξελέγξει δὲ μηδὲν* (это и значитъ быть пасквилянтомъ, чтобы во всемъ обвинять и ничего не доказывать). Въ жизни преп. Сергiя не все извѣстно положительнымъ образомъ; относительно много пужно дѣлать предположенiя. Когда пужно дѣлать предположенiя, я и дѣлаю ихъ и при этомъ, разумѣется, говорю: „надобно думать, необходимо думать“. Но въ этомъ не только нѣтъ ничего предосудительнаго, а напротивъ это составляло мою прямую обязанность. Не заслуживалъ бы я укора, что дѣлаю предположенiя, и въ томъ случаѣ, если бы дѣлалъ предположенiя неосновательныя, ибо людямъ свойственно ошибаться. Другое дѣло, если бы я позволялъ себѣ строить предположенiя какiя нибудь совсемъ нелѣпыя. Но чтобы это было такъ, анонимъ вовсе не указываетъ примѣровъ и вовсе не представляетъ доказательствъ.

Нѣтъ никакой бѣды приводить свое личное мнѣнiе, когда идетъ оно и въ разрѣзъ съ мнѣнiями всѣхъ. И не только нѣтъ никакой бѣды, но если человѣкъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнiя, хотя бы оно шло и въ разрѣзъ съ мнѣнiями всѣхъ: то онъ непременно долженъ и обязанъ приводить его. — разумѣется, подкрѣпляя его тѣми доказательствами, на основанiи которыхъ оно представляется ему болѣе справедливымъ, чѣмъ всѣ другiя мнѣнiя. Очень можетъ при этомъ случиться, что человѣкъ выскажетъ новое мнѣнiе вовсе неосновательное. Но изъ этого будетъ слѣдовать только тоже, что и относительно неоснователь-

— — — — —
 гую изъ нихъ за письмо неизвѣстнаго или неизвѣстныхъ архим. Леонидъ, который напечаталъ описанiе хранящихся въ лаврекой ризницѣ рукописей не далѣе, какъ въ 1880 году, — Чтенiй Общ. Ист. и Древн. 1880 г. кн. IV, № ркн. 6 и 8). Но одинъ повѣннiй биографъ преп. Сергiя, вовсе не указывая основанiя и совсемъ неизвѣстно — на чемъ основываясь, т. е., какъ необходимо думать, не имѣя никакого основанiя, а лишь усердствуя создать автографы преп. Никона, утверждаетъ, что обѣ книги написаны самимъ преподобнымъ. Биографъ будучи повторяетъ другiе, и вотъ такимъ образомъ и явится преданiе, что книги составляютъ собственное рукописанiе преп. Никона... (Для будущаго историка, который скептически отнесется къ преданiю пайдется, конечно, и обличитель, подобный моему анониму)...

ныхъ предположеній, т. е. что людямъ свойственно ошибаться. Человѣкъ твердо убѣжденъ былъ въ справедливости своего новаго мнѣнія; но мнѣніе оказывается неосновательнымъ: какое тутъ ему наказаніе, кромѣ того, чтобы его мнѣніе было отвергнуто? А назначить какое нибудь другое наказаніе людямъ, высказывающимъ новыя мнѣнія, въ справедливости которыхъ они убѣждены, значило бы сказать всему мышленію человѣческому: стой. Если бы анонимъ прямо указалъ какое нибудь мое новое мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніями всѣхъ биографовъ преп. Сергія, и показалъ его неосновательность или нелѣпность, тогда и отвѣчалъ бы ему. А чѣмъ отвѣчать на обвиненіе голословное, какъ все не тѣми же словами Демосфена: *τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὁ συκοφάντης*, и пр.?

Къ чему анонимъ, задавая мнѣ свой вопросъ, величаетъ меня докторомъ исторій? Докторъ исторій, какъ и докторъ всякой другой науки, есть нѣчто очень почтенное и чтобы высказывать свое пренебреженіе къ этой высшей ученой степени и издѣвался надъ нею всякій анонимъ, всякій заугольный N N и всякій немо, это до крайности прискорбно. Впрочемъ, г. П., по всей вѣроятности, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что если бы совѣмъ не было у насъ докторовъ никакихъ наукъ, то было бы гораздо лучше, ибо это жалкое вѣрованіе, что наше спасеніе въ невѣжествѣ, у насъ достаточно сильно (Да что, впрочемъ, и дивиться на какого-то анонима, что онъ высказываетъ свое презрѣніе къ степени доктора исторій, когда не находитъ въ этомъ ничего страшнаго профессоръ академіи и, можетъ быть, и самъ докторъ какой нибудь науки, давъ мѣсто пасквилю въ своемъ журналѣ).

Откуда я взялъ, что Стефанъ звать Сергія изъ пустыни, ясно указываю я словомъ „конечно“. т. е. ясно даю я знать, словомъ „конечно“ что я предполагаю это. Если я не говорю, что наоборотъ Сергію умолялъ Стефана не оставлять пустыни, такъ не потому, чтобы я этого не допускалъ, — само собою разумѣется, что я вполне допускаю это, а потому, что мнѣ не нужно было говорить объ этомъ, — потому, что у меня рѣчь не о Стефанѣ, а о Сергіи. Сергію пошоль въ пустыню съ твердымъ рѣшеніемъ не оставлять ея; вотъ, я и хочу сказать, что онъ, несмотря на бѣгство отъ него

Стефана и несмотря на настоятельное приглашеніе послѣдняго идти изъ пустыни вмѣстѣ съ нимъ, пребылъ вѣренъ своему рѣшенію. У меня говорится вотъ что: „не могшій стерпѣть пустыни и бѣжавшій изъ нея старшій братъ, конечно, усиленнымъ образомъ звалъ изъ нея и младшаго брата, которому предстояло въ пустынѣ совершенноо одиночество. Но преподобный Сергій, разъ пришедши въ пустыню, уже не хотѣлъ уходить изъ нея и когда бѣжалъ отъ него его товарищъ, онъ, возлагая свое упованіе на Бога, рѣшился остаться въ пустынѣ и одинъ, чтобы подвизаться подвигомъ, котораго не намѣревался на себя брать и чтобы представлять изъ себя подвижника, дотолѣ невиданнаго у насъ на Руси“. Если бы не были справедливы слова Плутарха, что *οἱ θεοὶ, καθόπερ οἱ χόρες, τοὺλὰ τίχτουσι ἐξήλιπτα*, то апонимъ, конечно, вовсе не задалъ бы мнѣ своего вопроса (я хочу допытъ апонима языческими писателями въ той надеждѣ, что авось онъ, видя противъ себя даже и этихъ писателей, пойметъ и сознастъ, что его поведеніе весьма неодобрительно).

Епифаній, по словамъ самого Голубинскаго, представляетъ дѣло введенія общезнѣнія такъ, что въ одинъ день, „совершенно неожиданно“ пришли къ Сергію посланные отъ Константинопольскаго патріарха Филофея и пр. Авторъ говоритъ: „необходимо представлять дѣла иначе. . Патріархъ не могъ самъ собою прислать Сергію посланіе, ибо вовсе не могъ знать о немъ“. А самъ же говоритъ, что не можетъ быть, чтобы св. Алексій, проведеншій дѣлшй годъ въ Царьградѣ при поставленіи его въ митрополита, ничего не разсказалъ патріарху о преп. Сергіѣ. „Необходимо предполагать, утверждаетъ Голубинскій, что патріархъ написалъ преп. Сергію посланіе по просьбѣ св. Алексія (авторъ вездѣ пишетъ: „Алексій“, а не „Алексій“)... Алексій и Сергій рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который-бы своимъ голосомъ подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое прешрїятіе. Выходитъ, что Сергій просилъ Алексія, Алексій просилъ патріарха, который по просьбѣ послѣдняго и написалъ посланіе. Получивъ посланіе, преп. Сергій поступилъ, выражаясь языкомъ того же Голубинскаго, „себѣ на умъ“ притворился предъ братіями, что не вѣритъ, будто ему писано посланіе, и пошелъ къ митрополиту, и только тамъ вскрылъ письмо. . Такъ вѣдъ разсказываетъ Епифаній внѣшнюю сторону дѣла, а внутренній смыслъ разсказа объясняетъ намъ „докторъ церковной исторіи“. Но не будетъ ли это худою на великаго и смиреннѣйшаго Сергія? Возможно-ли допускать притворство въ его-то характерѣ? Или ужъ не вѣритъ Епифанію, а вѣритъ Голубинскому, который трижды на одной страницѣ говоритъ: „необходимо представлять“, „необходимо думать“, „необходимо предполагать“, а на слѣдующей еще разъ: „необходимо думать“...

Въ моихъ рѣчахъ о введеніи преп. Сергіемъ общежитія въ своемъ монастырѣ анонимъ находитъ противорѣчіе: я, по его словамъ, говорю, что патріархъ не могъ знать о преп. Сергіи и въ тоже время говорю, что св. Алексій сообщилъ патріарху о преп. Сергіи, слѣдовательно — говорю, что патріархъ зналъ о преп. Сергіи. На самомъ дѣлѣ въ моихъ рѣчахъ нѣтъ никакого противорѣчія и только анонимъ нелѣпнымъ образомъ перетолковываетъ ихъ. Я говорю, что патріархъ *самъ по себѣ* не могъ знать о преп. Сергіи и что *поэтому* необходимо предполагать извѣщеніе о немъ патріарху св. Алексія (стр. 22): какое же тутъ противорѣчіе? Что св. Алексій извѣстилъ патріарха о преп. Сергіи, это необходимо предполагать потому, что самъ по себѣ патріархъ не могъ знать о Сергіи: у меня два положенія, находящіяся между собою въ причинной связи, а анонимъ обвиняетъ меня въ противорѣчьи себѣ; я говорю объ одномъ, а анониму кажется другое... „Выходитъ, говоритъ онъ, что Сергій просилъ Алексія, Алексій просилъ патріарха, который по просьбѣ послѣдняго и написалъ посланіе“. Дѣйствительно, выходитъ почти это, а именно, — что не Сергій просилъ Алексія, но что Сергій и Алексій согласились между собою (у меня въ книгѣ стр. 22—23): но чтò изъ того, что это выходитъ? Признаетъ ли анонимъ такое представленіе дѣла за неправильное, неосновательное, онъ ничего не говоритъ; а потому и я долженъ оставить его слова безъ всякаго замѣчанія.

Если бы то, чтò читается у анонима во второй половинѣ выписаннаго отдѣла какъ принадлежащее мнѣ, на самомъ дѣлѣ принадлежало мнѣ, то я дѣйствительно позволялъ бы себѣ тяжкую хулу на преп. Сергія. Но знаете ли, читатель, какъ анонимъ достигаетъ того, чтобы обвинить меня въ тяжелой хулѣ на преп. Сергія? Очень просто, посредствомъ мерзкой клеветы на меня или посредствомъ усвоенія мнѣ такихъ рѣчей, которыхъ я вовсе и не думалъ говорить. Такъ какъ обвиненіе въ тяжелой хулѣ на преп. Сергія очень важно, то считаю нужнымъ выписать изъ моей книги все то мѣсто, въ которомъ я говорю о введеніи преп. Сергіемъ общежитія въ своемъ монастырѣ. Вотъ оно: „Жизнеописатель преподобнаго Сергія представляетъ дѣло о введеніи имъ въ своемъ монастырѣ

общежитія такимъ образомъ, что въ одинъ день совершенно неожиданно пришли къ Сергію посланные отъ Константинопольскаго патріарха Филооса, что эти посланные прислали ему въ поминокъ или въ даръ отъ патріарха крестъ, парамандъ и схиму, а вмѣстѣ прислали ему и посланіе, въ которомъ патріархъ послѣ выраженія своей радости объ его добродѣтельномъ житіи увѣщевалъ его восполнить одну недостаточествующую ему главизну—вести въ своемъ монастырѣ общее житіе и что преподобный Сергій послѣ совѣта со святымъ митрополитомъ Алексѣемъ и исполнилъ волю патріарха — ввелъ въ монастырѣ общежитіе. Необходимо представлять дѣло нѣсколько иначе, именно—думать, что преподобный Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе не потому, чтобы это присовѣтовалъ ему патріархъ, а потому что онъ самъ хотѣлъ этого и что хотѣлъ этого вмѣстѣ съ нимъ святой митрополитъ Алексѣй, и что они Сергій и Алексѣй лишь прибѣгли къ авторитету патріарха, дабы придать своему начинанію большую твердость. Патріархъ не могъ самъ собой прислать Сергію посланія, ибо вовсе не могъ знать о немъ (а думать, будто до патріарха могла дойти слава Сергія уже въ то время, къ которому должно быть относимо введеніе имъ въ монастырѣ общежитія, совѣтъ невозможно). Необходимо предполагать, что патріархъ написалъ преподобному Сергію посланіе по просьбѣ святаго Алексѣя, обращенной къ нему этимъ послѣднимъ во время бытности въ Константинополь для посвященія въ митрополиты (бытности цѣлогодичной въ 1853 — 54-мъ году). А для Сергія и Алексѣя, какъ мы сказали, нужно было посланіе патріарха, чтобы при помощи его придать своему начинанію большую твердость. Представляя собою людей исключительныхъ и мужей богоизбранныхъ, они одушевились ревностію возстановить въ нашихъ монастыряхъ истинный монашескій образъ жизни — общежитіе. Но то, о чемъ ревновали они, нѣсколько не могло быть пріятно для большинства нашихъ монаховъ и вовсе не могло быть встрѣчено имъ съ готовностію и радостію. И вотъ, чтобы подѣйствовать на это большинство, Алексѣй и Сергій и рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который бы своимъ голосомъ верховнаго пастыря Русской церкви подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое предпріятіе. Необходимо

думать, что посланные патріарха, принеши Сергію его грамоту, были тѣ его посланные, которые сопровождали святаго Алексѣя въ Россію, послѣ того какъ онъ былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты. А святой Алексѣй возвратился изъ Константинополя съ поставленія въ митрополиты осенью 1354-го года. Если бы преподобный Сергій предпринять вводить въ своемъ монастырѣ общежитіе, не имѣя грамоты патріарха, то несомнѣнно, что онъ встрѣтилъ бы сильный ропоть противъ себя и даже прямые протесты. Въ виду грамоты патріарха, не только одобрявшей предпріятіе, но даже какъ бы нарочито требовавшей его, ропоть, разумѣемъ открытый, и протесты были невозможны; однако не все монахи Сергіева монастыря согласились на то, чтобы жить по повому; нашлись между ними такіе, не знаемъ—многіе ли, которые рѣшительно не хотѣли общежитія и тайно и ушли изъ монастыря“ (стр. 22 нач. 23).

Будьте добры, любезный читатель, прочтите вышесказанное мѣсто не однажды, а дважды и трижды, и потомъ скажите по совѣсти: есть ли тутъ что нибудь похожее на тѣ рѣчи, которыя усвоилъ мнѣ апонимъ? Что же я ему отвѣчу? У меня нѣтъ другаго отвѣта ему кромѣ того, чтобы напомнить ему, что Василій Великій назначаетъ весьма тяжкое наказаніе клеветникамъ.

Апонимъ инсинуируетъ на меня, будто я считаю преп. Сергія человѣкомъ „себѣ на умѣ“. Этого „себѣ на умѣ“ онъ не выдумываетъ, оно у меня есть; но только онъ, употребляя свойственный ему беззастѣнчивый способъ созданія противъ меня обвиненій, придаетъ моимъ словамъ какъ разъ обратный смыслъ противъ того смысла, въ которомъ употребляю ихъ я, вмѣсто отрицательнаго смысла, какой онѣ имѣютъ у меня, придаетъ имъ смыслъ положительный. Изображая личный характеръ преп. Сергія по Епифанію, я говорю, что онъ „былъ незлобивъ и простъ безъ всякой примѣси хитрости и такъ называемаго „себѣ на умѣ“ (была въ немъ „простота безъ нестроты“, какъ выражается жизнеописатель), стр. 30; а апонимъ инсинуируетъ на меня, будто я считаю преп. Сергія человѣкомъ себѣ на умѣ!

Е. Голубинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).